

Эта суматоха вынудила Вэй Чанцзэ и Цансэ Санжэнь, которые собирались поздравить хозяев и тихо уйти, войти в самый центр оживленного торжества.

Родители с обеих сторон по иронии судьбы разговорились, и отношения между ними перестали развиваться по прежнему сценарию — Вэй Чанцзэ с супругой окончательно отделились от ордена Цзян.

— Похоже, эти двое детей связаны самой судьбой, — произнес Цзян Фэнмянь, похлопав Вэй Чанцзэ по плечу. — Они станут лучшими братьями, прямо как мы с тобой.

Вэй Чанцзэ с легким блеском в глазах ответил:

— Да.

Юй Цзыюань лишь скривила губы:

— Хм.

Цансэ Санжэнь дернула уголок рта:

— Э-э... — она хотела что-то добавить, но промолчала.

В конце концов стороны договорились, что при первой же возможности супруги Вэй будут привозить Усяня в Пристань Лотоса и в случае необходимости обращаться к ним за помощью.

К сожалению, Юй Цзыюань по-прежнему не выносила, когда Цансэ Санжэнь приближалась к Цзян Фэнмяню. Поэтому шансы увидеться с четой Вэй оставались ничтожно малыми — они не встречались даже раз в год, а если и пересекались, то лишь мельком.

Шло время, и когда Цзян Ваньиню исполнилось три года, он наконец научился свободно общаться. Мальчик испытывал огромное любопытство к тому, кто всегда был рядом и выглядел точно так же, как он сам. После того как он начал говорить, он несколько раз пытался расспросить родителей, но тот человек каждый раз прерывал его коротким «ш-ш».

Испытывая к нему глубокое доверие, Цзян Чэн перестал мучиться вопросами, решив дождаться момента, когда сможет нормально общаться, чтобы допросить «другого себя».

У-ю:

— О, я, конечно, знаю, о чем думает Ваньинь, и как раз размышляю, что ответить. Это как когда все дети спрашивают родителей: Папа, мама, откуда я взялся? Этот вопрос рано или поздно придется задать. Кстати, меня лично нашли в мусорном баке справа от ворот жилого комплекса, а вы, ребята, откуда?

Ваньинь с любопытством посмотрел на собеседника:

— Ты кто?

— Цзян Чэн.

Ваньинь рассмеялся:

— Какое совпадение, я тоже Цзян Чэн!

Две детские души покатались со смеху. Когда они отсмеялись, У-ю взял Цзян Чэна за плечи и серьезно сказал:

— Потому что ты — это я, а я — это ты. Мы никогда не будем одиноки, мы неразлучны, нас просто невозможно разделить.

Сказав это, он обнял Ваньиня.

Ваньинь:

— М-м...

Ваньинь:

— Ты постоянно называешь меня Ваньинь, может, я тоже буду звать тебя Ваньинь?

У-ю задумался:

— Звучит странно. Давай так: у нас будет одно имя, но разные вторые имена. Мы оба Цзян Чэны, и то, что твое второе имя Ваньинь, знают все. А я возьму себе другое, и когда будешь звать меня, называй по нему.

Ваньинь:

— Какое же имя ты возьмешь? Давай я придумаю... М-м, как насчет Жухуа? Ты такой красивый, как расцветающий фиолетовый лотос...

— Жухуа? — голос У-ю дрогнул. — Нет! — закричал он во весь голос. — Ваньинь, ты безнадежен в придумывании имен!

У-ю дрожащим пальцем указал на него и продолжил:

— Боже мой! От этого имени мне на ум приходит только тот «красавец» из фильма Син-е: с бородой, ковыряющийся в носу и оглядывающийся по сторонам... Не хочу такое! — он начал скрести в затылке и упал на колени в отчаянии.

Ваньинь:

— Кто такой Син-е? И что за фильм? Жухуа — такое красивое имя. Ну раз тебе не нравится, давай подумаю еще...

У-ю поспешно прикрыл ему рот ладонью:

— Я знаю, что ты хочешь помочь, но подожди. У меня есть второе имя. Я — У-ю. Наши имена — Цзян Чэн, а если соединить вторые, получится Ваньинь У-ю.

Ваньинь пробормотал:

— Все равно Жухуа лучше.

Вдруг он словно что-то вспомнил:

— Но почему ты — Ваньинь, а я — У-ю? Как подумаю, что все зовут только Ваньинь, а про У-ю никто не знает... Мне кажется, ты такой одинокий, от этого так грустно...

По мере того как он говорил, его миндалевидные глаза наполнялись слезами, готовыми вот-вот пролиться. У-ю почувствовал, как его материнское сердце растаяло, и мысленно воскликнул: О мой добрый Ваньинь!

Он обнял его и начал похлопывать по спине:

— Ваньинь, ты опять забыл. Я же говорил: ты — это я, я — это ты. Когда зовут тебя, зовут и меня, и наоборот. Мы неразделимы, а имена выбрали просто для удобства общения.

Ваньинь:

— Хорошо, тогда ты будешь Ваньинь, а я — У-ю.

У-ю:

— Э-э... так не пойдет.

Ваньинь:

— Почему? Ты же сам сказал, что это неважно, почему теперь нельзя?

Ваньинь продолжал допытываться:

— Это потому, что все знают только Ваньиня, а про У-ю никто не слышал, и это имя такое жалкое, такое одинокое, да? Да? Уа-а-а...

Ваньинь разрыдался.

У-ю:

— Нет, нет, Ваньинь, это не так...

Но тот плакал так сильно, что ничего не слышал. В пространстве горчичного зерна царил хаос, а снаружи творилось то же самое: служанки в панике смотрели на юного господина, который внезапно проснулся и начал кричать так, что его невозможно было успокоить.

Видя, как Ваньинь заливается слезами, У-ю ощутил, как из-за их связи на сердце легла тяжелая туча, из которой то и дело били молнии. Острая боль пронзила его, а тело Цзян Чэна покраснело от крика, казалось, он вот-вот задохнется. Рассудок У-ю окончательно помутился, он крепко обнял Ваньиня и завыл:

— Уа-а, Ваньинь, Ваньинь, это твое имя, твое! Как я могу... как я могу позволить тебе потерять хоть что-то из того, что принадлежит тебе... Уа-а, Ваньинь... малыш, почему ты такой... почему ты так заботаешься о других... Уа-а!

Два трехлетних ребенка — один настоящий, а другой «тоже трехлетний» — рыдали в обнимку.

Ваньинь посмотрел на того, кто ревел громче него, на мгновение замер, растерялся, а затем сам начал его утешать, похлопывая по спине:

— Ну...

У-ю дернул плечом, сбрасывая его руку, думая про себя: Все равно я уже опозорился, буду орать, сколько влезет.

В пространстве горчичного зерна не было покоя. Снаружи Юй Цзыюань, качая на руках Цзян Чэна, никак не могла его унять. Цзян Фэнмянь был на ночной охоте, и Юй Цзыюань злилась еще сильнее. Не успела она сорваться на крик, как ребенок в ее руках обмяк. Она в ужасе начала вливать в него духовные силы, но у малыша, чьи меридианы еще не были открыты, они не усваивались.

К счастью, врач сказал, что это лишь от долгого плача (нехватка кислорода), и нужно просто дать ему отдохнуть, а впредь не допускать таких истерик.

Когда Цзян Фэнмянь вернулся в Пристань Лотоса, он ожидал, что Юй Цзыюань будет в ярости, и осторожно позвал:

— Саньнян...

Юй Цзыюань ответила:

— Цзян Фэнмянь, начни обучение А-Чэна.

— Но ему всего три года... он мог бы поиграть еще пару лет...

— Если ты не займешься этим, я найду другого наставника.

Юй Цзыюань была напугана тем чувством беспомощности, которое испытала. У нее была лишь одна мысль: если бы А-Чэн уже начал обучение, он мог бы впитать духовную энергию, и ей не пришлось бы просто смотреть, как он угасает.

— Саньнян, я не отказываюсь, но нужно спросить мнение ребенка...

— Не о чем спрашивать. Решено: как только А-Чэну станет лучше, начнем обучение.

Двое в пространстве горчичного зерна спали в обнимку, совершенно не подозревая, что их ждет «школьная скамья».

<http://bllate.org/book/21513/2206484>